

**University of
Zurich**^{UZH}

**Zurich Open Repository and
Archive**

University of Zurich
University Library
Strickhofstrasse 39
CH-8057 Zurich
www.zora.uzh.ch

Year: 2012

Tipy avtoreferencii v sovremennom russkom jazyke

Weiss, Daniel

Other titles:

Posted at the Zurich Open Repository and Archive, University of Zurich

ZORA URL: <https://doi.org/10.5167/uzh-71978>

Book Section

Originally published at:

Weiss, Daniel (2012). Tipy avtoreferencii v sovremennom russkom jazyke. In: Boguslavsky, Igor; Iomdin, Leonid. Meaning, Text and other Exciting Things. A Festschrift to Commemorate the 80th Anniversary of Professor Igor Alexandrovič Mel'čuk. Moskva: Jazyki slavjanskoj ku'tury, 627-640.

Типы автореференции в современном русском языке

Даниэль Вайс

Universität Zürich

Slavisches Seminar
Plattenstr. 43, 8032 Zürich
dawe@slav.uzh.ch

Abstract

In this paper I distinguish four different types of how the speaker can refer to himself: (i) direct, (ii) indirect, (iii) inferential and (iv) inclusive ego-reference. These types encompass manifold subtypes, most of which are illustrated by examples from colloquial Russian and related genres such as diaries, memoirs, personal letters, and interviews. Special attention is given to ellipsis and zero lexemes as a source of ambiguous reference, to the lexeme *čelovek* as a marker of empathy and to ego-referential expressions that are to be found exclusively in Russian.

Keywords

Autoreference, colloquial Russian, ellipsis, inclusive reference, indirect reference, inferred reference

Референциальная характеристика именных групп в предложении или тексте рассматривается философами языка и вслед за ними лингвистами уже несколько десятков лет. В частности, классификация денотативных (или референциальных) статусов обсуждалась уже во многих работах, в том числе и в (Падучева 1985) и (Шмелев 1996). Тем не менее, до сих пор отсутствует всеобъемлющая и общепризнанная классификация, терминология в этой области весьма разнородна, и другие аспекты совсем слабо изучены. Последнее касается, нп., лексикографического отражения денотативных статусов, т.е. описания референциальных “дефектов” в словарных статьях лексем, таких как *получатель*, *отправитель*, *оба/обе*, *этот* (в качестве анафорического существительного) и т.п.

В настоящей статье освещается вопрос, какими референциальными свойствами может обладать отсылка говорящего к самому себе. Она является естественным продолжением работы (Weiss 2008), которая была посвящена анализу автореференциальных возможностей личных местоимений в русском языке. Подытоживая ее результаты, можно констатировать, что все 8 местоименных лексем – *я*, *ты*, *он/она/они*, *мы*, *вы*, *вы 2* (вежливая форма), *ты 2* (обобщенно-личное *ты*) и *φ_{люди}* (неопределённо-личная форма) – могут служить для обозначения говорящего либо автора, если принять в расчет не

только прямые, но и разные косвенные виды автореференции. Так, употребление 3-го лица в данной функции представлено дважды – в виде называния фамилии говорящего и анафорического местоимения – в примере

- (1) Вы можете сказать, что *Хрущев_i* повторяется, что на эту тему *он_i* уже говорил. Однако, товарищи, *я_i прошу*, отнеситесь ко *мне_i* снисходительно: ...
(Н. С. Хрущев, К победе разума над силами войны, 67 сл.).

1-е лицо мн. встречается, нп., в разговорах матери с маленьким ребенком:

- (2) Сейчас *мы сварим* тебе кашку. (Булыгина & Шмелев 1997, 329)

3-е лицо мн. указывает на говорящего в фразеологических оборотах типа *Тебе/Вам говорят* либо *Вам звонят / вас беспокоят из ...*. Кроме того, встречается прагматическое смещение обозначения как говорящего, так и адресата в примерах вроде

- (3) Его по-человечески *просят*, а он сразу в крик!

И, наконец, употребление 2 л. ед. и мн. появляется в (довольно тривиальной) ситуации цитаты прямой речи, адресованной говорящему, или в диалоге последнего с самим собой.

Из сказанного явствует, что виды непрямого обозначения *я* говорящего или пишущего весьма разнородны. Для их описания требуется подходящая понятийная сеть. Для целей данной статьи различаются четыре типа автореференции: 1) прямая, 2) косвенная, 3) инференциальная и 4) инклюзивная автореференция. Поскольку не все названные термины «говорят за себя», они нуждаются в комментариях. Соответствующие разделы упорядочены по уменьшающейся степени прозрачности референции.

1.1 Прямая автореференция

Самый основной тип автореференции охватывает три способа реализации: местоимения *я*, *мой/свой* и эллипсис. Кроме того, сюда же относятся и экзотизмы, характерные для разных шуточных или социально ограниченных употреблений вроде державного *мы*, *мы* скромности и неэллиптического *моя*. Эллипсису могут подвергаться оба местоимения *я* и *мой*, причем условия его употребления в этих двух случаях радикально разные. Возможность опущения *я* зависит прежде всего от синтаксической роли, функциональной разновидности и жанра речи. Поскольку существует уже богатая литература о внутрифразовом эллипсисе, особенно при сочинительном сокращении, здесь будут обсуждаться межфразовый эллипсис подлежащего и дополнения в современной разговорной речи. Опущение подлежащего в русском языке освещалась уже во многих работах, особенно принадлежащих перу поклонников порождающей грамматики: этих авторов в первую очередь волновал вопрос, относится ли (и если да, до какой степени) русский язык к языкам pro-drop, см. обзор этой литературы в (Mayer 2009). Эта дискуссия велась, однако, почти исключительно на основе письменного материала, а особенности спонтанной разговорной речи при этом вовсе не учитывались. С другой стороны, среди теоретиков русской разговорной речи давно было известно, что здесь „характерны

построения с нереализованной валентностью (прямой и обратной) одного или нескольких членов” (Земская 1987: 142)¹, но как раз эллипсису подлежащего уделялось мало внимания. Было уже установлено, что межфразовый эллипсис в отличие от внутрифразового (Weiss 1993: 61) имеет подчеркнуто разговорный характер (Nichols 1985, Berger 1989); тем самым, можно было предполагать, что частотность эллипсиса в PPP превышает частотность в КЛЯ, но эмпирически эта гипотеза никогда не подвергалась проверке. Только в (Seo 2001) и особенно в (Zdorenko 2009) приводились подтверждающие ее данные. В последней работе впервые использовался материал из Национального корпуса русского языка. Каковы ее результаты? Во-первых, частотность эллипсиса подлежащего в PPP действительно оказалась самой высокой по сравнению со всеми остальными анализируемыми жанрами (включая и другие устные жанры – интервью, пресс-конференции, научные лекции): в PPP она составляла 29%, доля же местоименных форм – 71% (там же, 127). Во-вторых, наблюдается перевес дейктически обусловленного эллипсиса над анафорическим, или иначе: первого и второго лица над третьим. Автор объясняет это с помощью иерархии топикальности по Гивону: участники разговора занимают на этой иерархии более высокую позицию, чем остальные референты, что объясняется их заданностью в текущем диалоге. К этому выводу склоняют и мои собственные подсчеты.²

Указанная работа имеет, однако, и свои недостатки. Так, она совсем не учитывает факт присутствия или отсутствия маркера (окончания) категории лица при сказуемом. На самом деле, с типологической точки зрения не безразлично, опускается ли подлежащее при претеритной форме, как в ϕ_i *Ви́дел (как ϕ_j выпендривается)* либо при сказуемом-прилагательном, ср. ϕ_i *Уверен, что ϕ_j срежесетс!*, где информация о грамматическом лице вообще не выражена, или при форме презента, где утрата подлежащего компенсируется глагольными окончаниями. По моим подсчетам, это различие вовсе не влияет на распределение эллипсиса в PPP, иначе говоря: PPP свободно допускает и полное отсутствие информации о грамматическом лице. Этим PPP несомненно отличается от КЛЯ.³ Легко предвидеть, что таким образом возникнут многочисленные потенциально дву- или даже многозначные случаи, в том числе и затрагивающие автора́ференции; это подтверждают и мои собственные наблюдения, см. (Weiss 1993: 70, Weiss 2008: 368). В (Zdorenko 2009), однако, вообще не упоминается о такой возможности. Ниже приводится ряд примеров, допускающих в принципе двоякую референциальную интерпретацию, причем они взяты из жанра, который по определению должен быть особенно чувствительным к автора́ференции: из дневника.⁴ Выбранный текст буквально напичкан такими употреблениями эллипсиса, где конфликтуют два разных антецедента (автор, здесь обозначенный символом ϕ_i , и другое лицо ϕ_j) с одинаковым грамматическим

¹ Обширнее об этом (Weiss 2012), где это тяготение PPP к нулям интерпретируется как проявление тенденции говорящих к минимальной кодировке грамматически нужной информации.

² С другой стороны, они противоречат результатам, полученным при изучении исторического развития эллипсиса: как отмечается в (Mayer 2009), доля нереализованных позиций 3-го лица чем позднее, тем более превышает долю отсутствующих подлежащих в первом и втором лицах.

³ По результатам, изложенным в (Mayer 2009), то же самое верно и для исторического развития эллипсиса подлежащего.

⁴ В выдержке из НКРЯ, который лежит в основе работы (Zdorenko 2009), этот жанр не представлен.

оформлением; следовательно, только наше знание о мире или о языке (нп. о возможных актантах данного предиката) способно разрешить референциальный конфликт.

- (4) ϕ_i Спрашиваю, что конкретно? ϕ_j Говорит: миски, ложки, вилки. Не ржавеет, и с медицинской точки зрения полезно. ϕ_j Просил поддержать. ϕ_i Обещал поддержать.
Лаврентий Берия, Тайный дневник 1941-1945, М. 2011⁵ 7/ XI-44
- (5) Потом Коба_j пригласил к себе поужинать. ϕ_j Сказал хороший тост. ϕ_i Только что вернулся. 26/ V-44
- (6) ϕ_i Договорился с Кобой_j, что замом ϕ_i назначаю Аркадия. [...] Коба_j сказал: «Но чтобы товарищ Масленников не обиделся, пусть пока остается у тебя_j замом».
 ϕ_i Спорить не стал. То не было ни одного зама, теперь два, зато один действующий.
10/III-42

Но эти фрагменты показательны не только отсутствием маркировки первого лица, но и сменой референции эллипсиса в последующем предложении: если, нп., в (5) в предыдущем предложении подлежащим был Коба (т.е. Сталин), то *Только что вернулся* опять относится к автору дневника. Здесь, видимо, не срабатывает принцип интерпретации по умолчанию “если не указано противоположное, предыдущее подлежащее-тема продолжается в новом предложении”, но и общий принцип, что в дневниках автор всегда является самым привилегированным референтом, не остается в силе. Ничего удивительного, что комментатору иногда приходится разъяснять возможную двусмысленность.⁶ Добавим, что это халатное отношение к однозначной референции имеет древние корни: как показывается в (Weiss 2012), оно наблюдается уже в Жизнеописании Аввакума, т.е. еще одном тексте автобиографического характера с подчеркнуто разговорной стилизацией.

Подводя итоги, следует констатировать, что выбор нулевого варианта – не самое надежное средство для однозначной автореференции. Для полноты картины следует еще указать на другие письменные жанры, такие как личное письмо или ведомственный бланк, которые также тяготеют к нулевому выражению первого лица.

Эллипсис местоимения первого лица встречается также при дополнении, ср.

- (7) Хоть и сложно там, ϕ_i немного отдохнул. Даже ϕ_i отоспался. А сегодня товарищ Сталин взорвался и в присутствии Вячеслава, Анастаса и Георгия назвал ϕ_i змеей в очках. 5/IV-43

⁵ На самом деле этот источник, по всей видимости, фальсификат, сфабрикованный его мнимым издателем Кремлевским, см. на этот счет многочисленные высказывания в блогах вроде <http://nnm-club.ru/forum/viewtopic.php?t=399366>. Для наших целей этот вывод маловажен: наш предмет – не характеристика идиостилей индивидуальных авторов, а жанра дневника как такового, и в этом отношении данный текст именно благодаря своей подчеркнутой разговорности вполне годится, т.е. не нарушает общих правил жанра.

⁶ Ср. : „Мыкыта про себя наверно кривился. А я ему напомнил про постановление по националистам. Коба на него взглянул, сразу закивал головой“ со сноской: “Надо понимать – Хрущев закивал, Сталину было кивать не с чего.” 15/12/1945.

Условия этого типа опущения пока слабо изучены, ср. (Berger 1989) и (MacShane 1990). Не подлежит, однако, сомнению, что и здесь не исключена двузначная референция, ср. “Весь конец декабря одна запарка. Хорошо, хоть Новый год встретить дома Коба ϕ_i отпустил.” (кого отпустил? Только *меня*, т.е. Берию, или вообще *нас*, близкое окружение Сталина?) [14/I-43]

Опущению может подвергаться и выражение посессора, будь то притяжательного прилагательного типа *мой, ваш, Надин* и т.п., будь то именной группы в генитиве. Литература на эту тему весьма скудна: кроме кратких соображений, изложенных в (Шмелев 1998: 171-74, Mikaelian 2002: 112-14, Рахилина 2011: 296-97), мне не известны другие работы. Тем не менее, и в этой области могут возникнуть референциально двузначные высказывания, причем именно говорящий оказывается в привилегированной позиции, ср.

- (8) А. От него дяди сохранилось письмо/ адресованное ϕ_i матери // Б. Их ведь не одно было // публиковались же А. *Его; маме*/ а не моей //
- (Русский язык в его функционировании I, 37)

Остается выяснить, действует ли при опущении посессора та же иерархия топикальности, о которой выше шла речь в связи с опущением подлежащего. Как отмечено в (Шмелев 1998: 171-172), здесь наблюдается систематический конфликт между первым и вторым лицами, ср. высказывания вроде *Расскажите это ϕ_i жене!* допускают в принципе двоякую интерпретацию (i = *моей* либо *вашей/своей*), если данная особа не присутствует при разговоре и до этого еще не была введена. Вопрос эвентуального первенства первого лица нуждается, однако, в эмпирической проверке.

Остальные типы прямой автореференции имеют маргинальное значение. О ‘*мы* скромности’ ср. Норман (2002). Местоимение *моя*, как и его соответствие *твоя*, представлено не только в шутовой фразе *Моя твоя не понимает*, а служит также для стилизации неграмотной речи нерусскоязычных „аборигенов”, ср.

- (9) В пограничной засаде сидит чукча и чутко прислушивается к звукам. Вдруг тишину ночи нарушает всплеск. Плывет лодка. Чукча из засады кричит:
— Стой! Говори пароля!
Но неизвестный молча продолжает грести.
— Стой, говори пароля, — опять кричит чукча, — а то *моя твоя стреляет*.
Из темноты в ответ несется:
— Да пошел ты к ...
Чукча облегченно вздыхает.
— Вторая год служу на границе, а пароля все та же.

Следует однако отметить, что именно форма *моя* (наряду с *я*) и реально представлена как в Russenorsk, так и в кяхтинском пиджине, т.е. в исторических пиджинах, возникших из русско-норвежского и русского-китайского контакта (Lunden 1978, Broch 1984, Neumann 1966, Nichols 1993). Неясно, обусловлено ли это большей четкостью женского варианта: небезынтересно в этой связи, что и в английских пиджинах выступают *me*, *tu* и даже *mine* как эквиваленты *I* (Mühlhäusler 1986, 158).

1.2 Косвенная автореференция

Под косвенной автореференцией в этой статье подразумеваются две ситуации: это определенная дескрипция, состоящая а) из указывающего на говорящего притяжательного местоимения и именной группы, б) его собственного имени либо фамилии. Названные два подтипа могут и сочетаться. Если данная ИГ занимает позицию подлежащего, сказуемое выступает в 3-ем лице. Косвенная стратегия – самый разнородный тип автореференции, поэтому не все ее подтипы будут здесь обсуждаться с одинаковой подробностью.

Местоименный тип иллюстрируют *моя особа / персона*, фольклорное *моя головушка* или (из одной берестяной грамоты) *моя худость* (Зализняк 1995, 229). Оттенок, вносимый единицами *моя особа / персона*, не всегда однозначно уловим:

- (9) Первый удар из числа им задуманных он решил нанести по украинской парторганизации. Я полагал, что он развивал это дело с тем, чтобы втянуть туда и *мою персону*.
Н.С. Хрущев, Воспоминания

Но говорящий может также определить себя по отношению к адресату, и тогда местоимение первого лица сменяется вторым лицом. Это происходит, к примеру, в случае общеизвестной шуточной формулы скромности *твой/ваши покорный слуга*, излюбленной, нп., В. Путиным. Здесь уместны существительные, описывающие родственные или социальные отношения, ср. (из писем А. Чехова) *твой талантливый брат А.Ч.*, *tuus fratър*, *твой лысенький супруг*, *почитай своего мужа*, *Твой муж и покровитель*, а также обозначения переходящих состояний, действий и т.п., как (Не сердись на) *своего рыбака* или (из писем Ю. Даниэля из лагеря) *Князь рукавишников*, *ваши корреспондент из артеля «Шейте сами»*, *Ваши Ю.*, *он же – дон хиль-утепленные штаны*, *он же – узник Железная Миска*. (Даниэль 276). При этом адресат может опять элидироваться, ср. *помни о ѳ; старики-отце*, *душевно преданный ѳ; дебютант Антуан Чехов* при *i = моем / тебе*.

Последний пример показывает одновременно вариант с собственным именем, который выступает вместо местоименного шифтера. С помощью этого приема автор может включить себя в ряд однородных референтов, ср.

- (10) Доктор Средин тоже все болеет; чахотка отошла на второй план, а теперь мучает его нефрит, т.е. воспаление почек. Доктор Алексин похудел и постарел. *Доктор Чехов* влюблен в свою супругу и страдает расстройством кишечника. 7.4.1904

Но он позволяет автору также как будто отмежеваться от самого себя:

- (11) И то, что я старался быть порядочным в течение года, отнюдь не снимает всех претензий, которые можно предъявить (и которые я предъявляю) к *39-летнему Юлию Даниэлю*.

В следующем примере анафора, построенная по данному образцу, отсылает к цитате, принадлежащей третьему лицу:

- (12) И что он про меня трепался? Ты напиши, если удобно. Мне ведь интересно. Я сейчас коллекционирую «рассказы о *Даниэле*» — очень много любопытного узнал об *этом типе*.
Даниэль 79

В связи с этим напомним, что в развитии детской речи самоназывание по имени в виде *Боря хочет, Настя сама!* обычно предшествует появлению личного местоимения *я*. При этом встречаются и придуманные ребенком имена, ср. *Ой ! / Ёне (= Аня + Ежик) соку оставьте / она совсем не пила!* (Занадворова 2003, 307). И, наконец, сюда же примыкают всякие псевдонимы, клички и ники, употребляемые самими носителями, независимо от того, кто их придумал и к какой социальной сфере (политическое или партизанское подполье, органы безопасности, художественные) или электронной коммуникации (чаты, блоги, фейсбук и т.п.) они относятся.

Автореференция посредством собственного имени или фамилии особенно характерна для политиков любой политической (и, кажется, также национальной) принадлежности. Поэтому не прав был (Добренко 2000, 651), который по поводу нижеприведенного примера пишет: “Думать и говорить о себе в третьем лице стало не просто грамматической привычкой, но особенностью сталинского мышления”:

- (13) Со своей стороны я хотел бы заверить вас, товарищи, что вы можете смело положиться на *товарища Сталина*. Можете рассчитывать на то, что *товарищ Сталин* сумеет выполнить свой долг перед народом, ...

Если бы этот тип автореференции действительно свидетельствовал о „раздвоении личности” (там же), то политический мир буквально «кишил» бы шизофрениками. На самом деле, этим же приемом (с *товарищ* или без) пользуются, нп., Н.С. Хрущев (см. вышеприведенный пример 1), М.С.Горбачев и Л. Валенса, а также многие современные политики. Суть его заключается в принятии чужой перспективы или (как в примере 13) избирателей, или политического противника (так бывает чаще всего у Хрущева). В первом случае он служит средством для заискивания, в последнем же – полемическим целям, как показывает следующая выдержка из интервью с А.Чубайсом:

- (14) Тут недавно Московская областная дума обсуждала вопрос о том, чтобы снести все коттеджи, построенные на берегу Истринского водохранилища, в том числе и Вашу. Чем все закончилось?
— Знаете, *дача Чубайса* на водохранилище стала, наверно, второй по популярности темой сплетни и слухов после золотых зубов моей собаки. Всем особо интересующимся сообщаю, нет у меня дома на Истре и вообще на берегу какого-либо водоема. [...]
Чубайс, Комсомольская Правда в Европе, 26. 9. 2003

И, наконец, автореференция может реализоваться посредством называния роли, выполняемой автором. Так бывает в определенных жанрах таких, как научная работа (*автор*) или юридические документы (*истец, ответчик, свидетель*).

1.3 Инференциальная автореференция

Ярлыком инференциальности здесь будут обозначаться такие случаи, где автореференция говорящего/автора порождается путем какого-либо вывода; чаще всего это грайсовская конверсационная импликатура. Данная именная группа тогда обычно функционирует как неопределенная дескрипция, как в следующем примере, где предыдущий контекст подсказывает корректную расшифровку:

- (15) Таким образом, что мы видим на этой интересной картинке? На этой интересной картинке мы видим *одного бывшего литератора*, который бодро шагает ножками к лучезарному будущему... Даниэль 270 сл.

Желаемая референциальная интерпретация может также вытекать из нашего знания о мире, ср. следующую цитату из предвыборной кампании:

- (16) Эти политики уже накопили достаточный опыт, ясно увидели трудности, стоящие перед страной, получили определенную известность у россиян и их доверие. Опыт управления такой сложной страной, как Россия, у них маловат. Но в команде *умелого, много испытавшего, сумевшего сломать* тоталитарный коммунистический режим и дать людям реальные свободы *президента* они приобретут его и, надеюсь, принесут немало пользы своему Отечеству. (Горбачев, 4.6.1996 ННС)

Но при соответствующей семантике существительного возможна и определенная дескрипция в инференциальной роли. Об этом свидетельствует автореференциальное употребление лексемы *человек* в следующем примере:

- (17) Чего пристаєте? Не видите, *человек* спешит! Успенский 1970, 54

Опоздавший на лекцию студент таким образом обращается к вахтеру, задерживающему его, причем он принимает перспективу собеседника (ср. цитату Сталина в примере 13): именно с этой точки зрения он может себя самого обозначить как *человек*, тем самым порождая имплицитный призыв: “Входите в положение!” Признак определенности возникает также за счет характеристик, подчеркивающих уникальность референта:

- (18) Андрюша сидит над «воспоминаниями» и периодически часть их пишет заново — не строгость автора, не ворчание *первого читателя, первого редактора и первой машинистки (это все я)* — нет! Чужая воля и чужая рука. Они исчезают. То из дома — в Москве, то украдены с сумкой... Боннер 1990
http://orel.rsl.ru/nettext/russian/saharov/sach_fr/ps1_1.htm

Во избежание всякого сомнения здесь, однако, добавляется еще эксплицитная автореференция.⁷ И наконец, по инференциальной модели построена также техника двойного референциального сдвига, представленная в контрастивных примерах, таких как 3 (*его просят, а он...*).

1.4 Инклюзивная автореференция

Инклюзивная автореференция охватывает два резко различных подтипа: а) местоимение *мы* и его эллипсис вместе с притяжательными вариантами *наш/свой* и б) генерически употребляемые лексические единицы *ты 2*, *человек* и *люди*. Поскольку эти подтипы были уже освещены в (Weiss 2008), проиллюстрируем их здесь только вкратце. Лексема *мы*, казалось бы, по определению всегда включает говорящего. Тем не менее, можно

⁷ Отметим попутно, что даже собственная фамилия может появиться в этом виде автореференции, ср. следующее высказывание мэра Берлина: „...obwohl ich vermute, dass *ein* regierender Bürgermeister Wowerit vor zehn Jahren noch nicht möglich gewesen wäre” (Tagesanzeiger, 18.3.04: 2)

выделить целый ряд ситуаций, где последний как раз исключен из ее референциального потенциала (Апресян 1995, 646; Булыгина / Шмелев 1997, 328–333, Норман 2002, Weiss 2008, 372–375). *Мы* может также подвергаться элидированию, а в результате иногда возникают дву- или даже многозначные высказывания, вызывающие коммуникативную неудачу, см. пример в (Weiss 1993, 70). То же самое верно для опущения посессора *наш*. По критерию ис- или включенности адресата, обсужденному в (Szymański 1990, 81), можно выделить 8 разных ситуативных комбинаций, причем включение адресата факультативно сигнализируется вариантами *Мы с тобой / с вами* и *наш с тобой/с вами*, которые таким образом становятся двузначными (*мы* = ‘я’ или ‘мы’). Кроме того, имеются неточные синонимы *наш брат* и *наша сторона* с более специфическими референциальными свойствами.

Лексема *ты* 2 имеет, как известно, и нулевой вариант ϕ_{ty2} . Распределение эксплицитного и нулевого варианта в литературе (пр., Булыгина / Шмелев 1997, 335–352) еще слабо изучено, но убедителен вывод, сформулированный в (Мельчук 1995, 187, 207–209), что пустому варианту следует приписать статус не нулевого знака, а эллипсиса, который в зависимости от синтаксического окружения имеет обязательный, факультативный или запретный статус. Остальные свойства данной лексемы хорошо известны из названных работ: она включает говорящего,⁸ обобщая его личный опыт, совместима с адресатным *ты* 1 либо вежливым *вы* в одном и том же предложении и носит разговорный характер, но может также появляться в публицистических жанрах или научном докладе. Не исключено и двузначное употребление, допускающее адресатное или обобщенное прочтение, ср. «Здесь самообслуживание – сам *берешь* все, что *Тебе* надо.» Следующий пример иллюстрирует любопытный случай чередования инклюзивной и прямой автореференции, обусловленного сменой темпоральной соотнесенности (переход от неактуального к актуальному плану и обратно):

- (19) Если *ты носишь* форму, служишь Марсу, у *тебя* и внешний вид должен быть соответствующий. Вот вы когда на *меня* смотрели (на пресс-конференциях в Тирасполе в 1992 году – НСН), у вас, я *уверен*, возникали мысли о бренности всего земного. В этом весь смысл. Должен быть создан образ, когда вот на *тебя* так смотрят со стороны и думают «свят, свят, свят».
- (А.Лебедь, 26.4.1996, Национальная служба новостей)

Нулевая лексема $\phi_{люди}$ имеет два денотативных статуса: если она оформляет неопределенную дескрипцию, она исключает говорящего, а если функционирует в составе генерического высказывания, то инклюдирует его. Генерическое употребление представлено в деонтических высказываниях типа *Лежачего не бьют* либо *Так не ведут себя*, но также в чистых утверждениях вроде *Солдатами не рождаются*; в таких ситуациях говорящий мыслит себя как часть данного социума. Кроме того, существуют упомянутые в начале статьи прагмафраземы *Тебе/Вам говорят* и *Вам звонят / вас беспокоят* из..., которые как раз исключительно указывают на говорящего. Случай со смещенной референцией типа *его просят, а он...* был уже подведен под рубрику инференциальной референции, см. раздел 3.

⁸ Это свойство снимается лишь в очень специфических контекстах вроде следующего, где одно ϕ_{ty2} противопоставлено другим: «Днем я₁ всегда крепко себя держу₁, из меня, ни „оха“, ни вздоха ϕ_{ty2} не выжмешь₁, а ночью ϕ_{ty2} проснешься₁ и вся ϕ_{ty2} подушка мокрая от слез.» (Шолохов)

И наконец, “голое”, не сопровождаемое опеределением слово *человек* в ед.ч. может использоваться как обозначение говорящего в контрастивных высказываниях типа «*Человек* только прилег отдохнуть, как опять звонят!» (Weiss 1997, 330/331), в которых содержится подобный призыв к эмпатии, как в примере 17. Такое автореференциальное употребление является, по всей видимости, производным от генерического употребления, ср. «Должна же быть личная жизнь у человека!» или

- (20) – Хорошо выгляжу? – Конечно// – Ну что вы/ смеетесь? Кирочка/ как не стыдно... над *старым человеком* смеяться// PPP 1978, 113 сл.

Но в вышеприведенной контрастивной фразе («*Человек* только прилег...») обобщение лишь образует фон для автореференции, выдвигающейся на передний план. Эта ситуация напоминает пример 3 («Его просят...») с такой же контрастивной семантикой. Таким образом, противопоставление говорящему другого референта способствует автореференции, обогащенной элементом эмпатии.

Пора подвести итоги. Этот обзор автореференциальных средств в современном русском языке не претендовал на полный охват всех возможных типов, но хотелось по крайней мере дать первое представление о богатстве и разнообразии этих средств. Большинство из них характерны не только для русского языка, они встречаются и в других (если не во всех) европейских языках. Это особенно верно для рассмотренных типов не прямой (косвенной, инференциальной или инклюзивной) референции. С другой стороны, удалось выделить и такие автореференциальные средства, которые исключительно свойственны русской речи, нп., эмпатическое употребление лексемы *человек* и лексемы *моя, моя головушка, наш брат*, и другие, которые в других славянских языках подлежат большим ограничениям и представлены в меньшей мере; сюда относятся прежде всего рассмотренные здесь пустые знаки (эллипсис подлежащего или дополнения, нулевой вариант $\phi_{\text{ты}2}$, нулевая лексема $\phi_{\text{люди}}$), кроме того и конструкция *мы с тобой/вами*.⁹ И в заключение добавим, что именно за счет более высокой частотности нулей доля референциальной недоопределённости или многозначности в русском языке выше, чем в других славянских языках.

Bibliography

Allen, B., D. Gardiner & D. Frantz. 1984. Noun Incorporation in Southern Tiwa, *International Journal of American Linguistics*, 50(3):292–311.

Wierzbicka, A. 1980. *Lingua Mentalis. The Semantics of Natural Language*, Sydney: Academic Press.

Barzilay, R. & M. Lapata. 2005. Modeling Local Coherence: An Entity-based Approach. In *Proceedings of the 43rd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*, 141 – 148. Ann Arbor.

⁹ Эта конструкция отмечена только в польском языке при почти полном отсутствии эквивалента русского варианта *наш с тобой*.

Lambrecht, K. 1987. On the Status of SVO Sentences in French Discourse. In Tomlin, R. (ed). *Coherence and Grounding in Discourse*, 217–261. Amsterdam: Benjamins.